

И подъ воздушной пеленой
Печальное вздыхало.

«Печальное» не понять, не припомнивъ нѣмецкое das Schöne, das Ewigweibliche и т. п.

Не безъ борьбы дался Жуковскому его стиль; его школа — переводы. Они составили ему репутацію; «въ бореніи съ трудностью силачъ необычайный», сказалъ о немъ Пушкинъ, сѣтуя, что переводческая дѣятельность отвлекла его отъ творчества. Но его переводы были тѣмъ-же творчествомъ, и мы не ошибемся, сказавъ, что въ томъ отдѣлѣ его поэзіи, починъ котораго принадлежитъ ему, пересказъ, подражаніе и усвоеніе играли видную роль. Начать съ переводовъ: онъ не столько переводилъ, сколько воспроизводилъ, спускаясь къ оригиналу, чаще поднимая его до своего пониманія. Его понятіе о любви было нѣсколько отвлеченное, я сказалъ бы безплотное, безъ налета даже той chasteté lascive, которая встрѣчается у сентименталистовъ и у Шатобріана, — и онъ удаляетъ изъ «Орлеанской Дѣвы» то, что ему кажется слишкомъ откровеннымъ, земнымъ; недаромъ кн. Вяземскій боялся, что, переводя Байрона, Жуковскій будетъ «дѣвствовать»; наоборотъ, кое-гдѣ, какъ, напр., въ переводѣ Гольмовой драмы, онъ усиливаетъ краски, иное развиваетъ, чтобы оттѣнить элементъ автобіографическаго сочувствія. Въ переводѣ Шиллеровской «An Minna» онъ опускаетъ строфы, конецъ стихотворенія принадлежитъ ему, онъ его передѣлалъ подъ стать своему настроенію: въ ту пору онъ самъ былъ влюбленъ безъ надежды. Отъ безнадежной любви его тянетъ въ деревню, онъ дышетъ воздухомъ родныхъ полей, передъ вами русскій пейзажъ, — но поэтъ вдохновился пьесой Шатобріана въ «Le dernier Absence» и ея лирической формой. Въ альбомѣ графинѣ Самойловой, за которой ухаживалъ онъ и его другъ Перовскій, онъ вписываетъ въ 1819 году гётевское стихотвореніе «An Lottchen», къ Шарлоттѣ Буффъ, невѣстѣ Кестнера, по которой вздыхалъ и его другъ Гёте — и Жуковскій откровенно опускаетъ стихи, гдѣ говорилось о двухъ влюбленныхъ; онъ же-